

УДК 387.03

РОМАНЫ А.А. ЗИНОВЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Е.В. Комовская

В статье рассматриваются художественные параллели текстов А. А. Зиновьева с текстами М. Е. Салтыкова-Щедрина и Дж.Свифта. Описывается приемственность тем и мотивов у указанных писателей.

Ключевые слова: *мотив, сюжет, щедринская манера повествования, свифтовская манера повествования.*

Ряд исследователей полагают, что тексты А.А. Зиновьева нельзя рассматривать в рамках художественной литературы. Они приводят высказывания самого писателя, который никогда не считал себя создателем художественных текстов и тем более романистом. Они ссылаются на его интервью, в котором он говорит, что «стал писателем в силу стечения обстоятельств, случайно и даже поневоле» [1, с.99]. Дж. Глэд в своей книге отмечал: «Некоторые говорят: Зиновьев талантливый человек, но при чем тут литература? Он пишет социологические трактаты, но это же публицистика» [2, с. 249].

В беседе с Анатолием Костюковым сам А.А. Зиновьев заявил, что «коллеги по науке» не раз указывали, что занимаясь писательской деятельностью он «тратит драгоценную жизнь на пустяки» [3, с. 10]. Однако, спустя некоторое время эти же «коллеги по науке» изменили своё мнение на противоположное. В том же интервью А.А. Зиновьев указал: «А теперь мне говорят: «Ты такой успешный писатель, а занимаешься какой-то там наукой - зачем тебе это надо» [3, с.10]. Однако для самого А.А. Зиновьева все сферы его деятельности были едины. Он позиционирует сам себя с логиком, который стал использовать результаты своих исследований в социологии, и Социологом, который использовал результаты социологических исследований в литературе, поэтому А.А. Зиновьев – необычный писатель, его художественная проза – это, по словам Анатолия Костюкова, «продолжение социологии другими средствами» [3, с.10]. Некоторые исследователи считают, «что хаос архитектоники, ущербность героев, горячая болтливость повествования – вот цена, которую Зиновьев, строгий логик и ученый, заплатил за свою попытку изнасилования литературы» [3, с.10].

Хочется ответить данным исследователям творчества А.А. Зиновьева его же словами: «... легко презирать то, что сделали другие, попробуй предложи что-то получше» [3, с.10]. Он прекрасно знал советскую жизнь, изучил её до мелочей и не только как социолог, но и как простой советский человек. По его собственному замечанию он «достаточно её прочувствовал, чтобы описать художественными средствами» [3, с.10].

По мнению вдовы писателя, страшны не эти злобные безосновательные нападки на литературное творчество А.А. Зиновьева, хуже их то, что «... хотя книги Александра Зиновьева стали печататься в России, тут по странному умолчанию избегают говорить о нем именно как о писателе, который опубликовал множество литературных произведений, ставших мировыми бестселлерами и входящих в обязательные литературные программы ряда западных школ и университетов» [1, с. 99].

Сам А.А. Зиновьев указывал на то, что «многие писатели... - советские писатели в эмиграции – готовы признать меня в качестве мыслителя, но не в качестве писателя. Но ведь этим они не вычеркнули меня из литературы. Я все-таки писатель. Прежде всего писатель. Писатель, использующий свои социологические результаты. Мои литературные произведения являются литературными произведениями в высшей степени. Другое дело – это новая форма литературы... и литература такого типа пока недоступна никому» [2, с. 249]. Причину того, что он не принят в эмигрантской писательской среде А.А. Зиновьев видит в том, что, минуя самиздат и «эмигрантских генералов» (А. Солженицына и др.), стал знаменит.

Свое положение как писателя в беседе с Дж. Глэдом А.А. Зиновьев описывает следующем образом: «... в мировой литературе существовала испокон веков и существует определенная традиция, к которой я отчасти – не целиком и полностью, но, по крайней мере, отчасти – могу себя отнести. В этой традиции я могу назвать такие имена, как Рабле, Свифт, А. Франс, позднее Кафка, Оруэлл, Замятин. Со стороны русской классической литературы в эту традицию укладываются М.Е. Салтыков-Щедрин, отчасти А.П. Чехов» [2, с. 250]. На наш взгляд, из русских классиков наиболее прозрачна в творчестве А.А. Зиновьева приемственность текстов М.Е. Салтыкова-Щедрина, а из классиков мировой литературы – Свифта. Рассмотрим аналогии и взаимосвязи произведений указанных писателей.

По мнению Франсуа Бонди, «Зиновьев – мятежный сатирик, которого хочется сравнить с великим предшественником прошлого века – Салтыковым-Щедринным...» [4, с. 387]. Элен фон Сахно

и Клаус Икерт оценивают его творчество следующим образом: «В современной русской литературе у Зиновьева, писателя-критика, сравнить которого можно только с Рабле, Свифтом и Салтыковым-Щедриным, - нет никаких конкурентов и соперников» [5, с.390]. А. Фурсов в статье «Зиновьев и «Принцип Льва Толстого»» отмечал: «... в позднесоветской литературе Зиновьев занимает нишу, во многом сходную с той, которую в системе позднесоветской ... русской литературы занимал Салтыков – Щедрин» [6, с.46]. В. Большаков убежден, что А.А. Зиновьева «без сомнений, ... можно считать Салтыковым-Щедриным нашего времени» [7, с.33], а Ибанск «градом глуповым второй половины XX века» [7, с.33]. По мнению исследователя О.С. Сухих, «традиции великого сатирика XIX века (М.Е. Салтыкова-Щедрина) особенно ярко воплощены в социологическом романе А. Зиновьева «Зияющие высоты»...» [8, с.289].

Эти сравнения «Истории одного города» и «Зияющих высот», на наш взгляд, не случайны. Так, например, описания политических лиц в романе «Зияющие высоты» аналогично описанию градоначальников города Глупова. «Василиск Бородавкин повсеместно насаждающий горчицу и персидскую ромашку, с этим и вошедший в глуповскую историю» [9, с. 14], похож на Хряка, засеявшего поля кукурузой, а пристрастие Онуфрия Негодяева к возведению себе самому монументов, напоминает Хозяина, а преобразования Перехвата-Залихватского, который «сжег гимназию и упразднил все науки», схожи с хряковским желанием модернизировать школу, в результате чего все компьютеры отправили на свалку. «Искусственная челюсть» Заведующего, неприспособленная для произнесения особо трудных слов, очень напоминает искусственную голову Органчика, в которой хранится лишь два высказывания «не потерплю» и «разорю».

По поводу сходства щедринских градоначальников с зиновьевскими политиками Герман Андреев писал: « в «Истории одного города» Салтыкова - Щедрина есть, ...градоначальник Иванов, который «был столь малого роста, что лопнул» вследствие своего природного недостатка, когда произносил речь. В сатире Зиновьева изображен один из Заведунов, который вывихнул челюсть, когда в своей речи должен был произнести слишком сложное слово. ...» [10, с.153]. Кроме того, по мнению исследователя, «Органчик у Салтыкова-Щедрина произносит только два слова: «разорю» и «не потерплю». Потом что-то испортилось, и ему пришлось отвинчивать голову, а часовщик Байбаков должен был эту голову чинить. У Зиновьева есть точно такая же ситуация, только поднятая на более высокий научно-технический уровень: за Заведунов все делают роботы» [10, с.153]. Каждый из руководителей города Глупова создает имитацию важности проводимых преобразований для глуповцев. Руководители же Ибанска полностью осознали, что «имитация дела жизнеспособнее самого дела» [11, с.260], потому что любое дело «не стоит выеденного яйца» [11, с.261].

А.А. Зиновьев, как и М.Е. Салтыков-Щедрин, убедительно доказывает, что «судьба города находится в руках безмозглых властей» [9, с. 15] и смена одного руководителя другим не меняет ситуацию в целом. Однако, если М.Е. Салтыков-Щедрин «показывает, что народная масса в основе своей политически наивна, что ей свойственно неиссякаемое терпение и слепая вера в начальство, в верховную власть» [9, с. 15], то у А.А. Зиновьева человек разуверился во власти, но в подчинении его удерживает страх перед социальным законом. Если произведение М.Е. Салтыкова-Щедрина по своей специфике «ориентировано на социальный анализ в отношении «властей придержащих», поэтому глуповцы представляют собой чаще всего некую безликую массу» [8, с.293], то у А.А. Зиновьева наблюдается уже новый социологический разрез указанной проблемы. «Власть придержащие» также пусты и различаются исключительно большей или меньшей тупостью, строгостью, в то время как масса народная по природе своей не однородна, однако эта неоднородность призвана подчеркнуть ещё большую однообразность управленцев, которые к концу романа теряют индивидуальные имена и приобретают порядковые номера.

Однако приемственность традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина в романе «Зияющие высоты» на уровне персонажей не заканчивается. В поэтике и проблематике романа «История одного города» и «Зияющие высоты» исследователь О.С. Сухих выделяет следующие черты сходства:

Во-первых, это «форма передачи событий от лица некоего повествователя/рассказчика»;

Во-вторых, «прозрачна», на его взгляд, приемственность «сюжетно-композиционного построения»;

В-третьих, условность хронологии;

В-пятых, схожесть образа - города, который становится всеобъемлющим под Ибанском, как и под Глуповым, «имеется ввиду город, и деревня, и Россия в целом» [8, с.291]. Один из знатоков щедринской сатиры, Д. Николаев отвечает: «В «Истории одного города», как это уже видно из названия книги, мы встречаемся с одним городом, одним образом. Но это такой образ, который вобрал в себя признаки сразу всех городов. И не только городов, но и сел, и деревень. Мало того, в нем нашли

воплощение характерные черты всего самодержавного государства, всей страны» [12, с. 174].

У А.А. Зиновьева, как и у М.Е. Салтыкова-Щедрина, возникает собственный микромир героев – ибанцев, которые существуют в пределах художественного города с многозначительным названием Ибанск. В тексте романа «Зияющие высоты» автор объясняет наименование города в духе щедринской традиции: «Происхождение названия Ибанска историки объясняют различно. Одни производят его от того, что все граждане Ибанска имели фамилию Ибанов. Другие истолковывают его так, что оно приобретает неприличное звучание. Мы же оставляем читателю право на собственное истолкование» [11, с.4].

В одном из интервью А.А. Зиновьев пытается объяснить критикам и читателям выбор подобного наименования своей художественной территориальной единицы: «Многие усмотрели в этом оскорбительный намек на Россию, причем якобы неприличный ... Что касается намека, то я хотел сначала употребить слово «Иванск», в котором намек был бы явно оскорбительным. Именно с целью ослабить это впечатление и придать своему описанию более абстрактный характер, я заменил лишь одну букву. Впоследствии я узнал из какой-то научной работы, что когда-то на самом деле употреблялось имя «Ибан», от которого вследствие не то грамматической ошибки, не то просто невнятного произношения и произошло имя «Иван» [13].

В романе «Зияющие высоты» в предисловии благодаря абсурдности изображаемого и парадоксальности действительности читатель осознает, что за «мнимым» Ибанском скрывается вполне узнаваемая советская действительность: «Ибанск есть никем не населенный населенный пункт, которого нет в действительности. А если бы он даже случайно был, он был бы чистым вымыслом. Во всяком случае, если он где-то возможен, то только не у нас, в Ибанске» [11, с.5]. В результате подобного отрицания, возникает зиновьевский парадокс: невозможное становится реальным. Художественное пространство А.А. Зиновьева аналогично пространству текстов М.Е. Салтыкова-Щедрина балансирует на грани реального и ирреального за счет использования парадоксальных формул. Таких, например, как «никем не населенный населенный пункт», «где-то возможен, но не у нас в Ибанске». Прием парадокса помогает автору «Зияющих высот» изобразить проблемы общества в «снятом виде», а значит обнажить язвы исследуемого социума.

А.А. Зиновьев наследует щедринскую манеру гиперболизировать и обобщенно представлять пороки человечества, но при этом автор социологической трилогии старается использовать менее распространенные и конкретные формулировки и создает новые «сверхсодержательные понятия», интеллектуально играя смысловым значением слов и словесными аналогиями. Например, «Братия – это то, что в старину называли Партией», или «Впоследствии Заведующий получит титул Заведуй, поскольку заведет ибанцев в...непроходимый и дремучий изм» [11, с.6].

Как некогда М.Е. Салтыков-Щедрин, по мнению А.С. Бушмина, берет «слова у самого народа», чтобы «сказать горькие слова обличения о народе» [14, с.665], так и А.А. Зиновьев использует анекдоты, шутки, афоризмы «самого народа» о советских руководителях и организации социума, чтобы передать массовый страх перед официальной идеологией и властью советского человека.

В «Истории одного города» М.Е. Салтыков-Щедрин убедительно доказывает неподвластность природы человеку символическим описанием «потока жизни», который смыл платину на реке, выстроенную Угрюмом-Бурчеевым. Точно также преобразование погоды в романе «Зияющие высоты» каждому из руководителей преподносит свои сюрпризы. Никто из них не смог её себе подчинить, несмотря на грозные фразы «мы не можем ждать милости от этой природы» [11, с.12]. Следовательно, ко времени как «потоку жизни» и присутствию неизменных начал бытия отношение обоих писателей одинаково. Так же, как М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Зиновьев убежден, что человечество может преобразовать себя, себе подобных, собственные социальные отношения, но обществом не должны управлять глупцы. Так, например, А.А. Зиновьев отмечает в романе «Зияющие высоты» «речку Ибанючку вдоль и поперек перегородили. Она потекла вспять, затопила картофельное поле, в результате цены на продукты выросли только вдвое» [11, с.12]. По мнению, А.А. Зиновьева, «прогресс достигается только благодаря тому, что людям удавалась строить плотины, делать отводные каналы, то есть – сопротивляться течению и карабкаться вверх. Без такого сопротивления человечество не смогло бы подняться даже на низшие ступени цивилизации» [15, с.16], однако автор социологической трилогии против бездумного преобразования «потока жизни», который ведет не к прогрессу, а регрессу.

Следовательно, как некогда М.Е. Салтыков-Щедрин характеризовал состояние общества образом города Глупова, так и Ибанск «является художественным воплощением определенного типа общественного сознания, определенного образа мысли и образа жизни» [8, с. 292]. С целью

иллюстрации Ибанска как определенного уклада жизни, в романе описана система власти, состоящая из Презибана, Ибанистра, Ибанопарламента, Ибернатора; введены свои территориальные единицы (Ибанск, Ибаново); географические объекты (р. Ибанючка), есть собственная денежная единица (рубани). Однако, в данных наименованиях политических лиц и единиц легко угадываются привычные Президент, Министр, Парламент, Губернатор, рубли, Иваново. При внешней имитационности и близости романа «Зияющие высоты» к произведениям фэнтезийной литературы, мир которых обладает собственными территориальными единицами, необычной системой власти, населен человекоподобными существами, роман все-таки далек от подобного рода произведений. В романе «Зияющие высоты» фантастический аспект сведен к минимуму, потому что созданная А.А. Зиновьевым ирреальность аналогична гиперболическому обобщению мира в духе М.Е. Салтыкова-Щедрина, у которого «гротеск и фантастика не искажают действительности, они лишь доводят до парадокса те качества, которые таит в себе бюрократический режим» [9, с.15]. С «помощью гротеска и фантастики», роман «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина «... ставит диагноз социальным болезням, которые существуют в зародыше и ещё не развернули всех возможностей и «готовностей», в них заключенных» [9, с.15]. Кроме того, летописный характер и документальная основа художественного построения романа М.Е. Салтыкова-Щедрина указывает на то, что сам автор стремился придать реалистический характер своему произведению.

Следовательно, художественный мир романа М.Е. Салтыкова-Щедрина, как и мир трилогии А.А. Зиновьева, балансирует на грани реальности и ирреальности. Однако, ирреальность, в романах указанных писателей, достигается не за счет описания необычных мест; необычного времени; или необычной вещи в подчеркнуто реалистическом пространстве, как в фантастических романах, а за счет гиперболического обобщения явлений действительности, а чтобы сгладить шокирующий эффект и придать более художественную форму собственным произведениям, данные писатели используют «сверхсодержательные понятия», которые и придают романам некий аспект фантастичности. Следовательно, художественный мир романов М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.А. Зиновьева «свиптальен», так как представляет собой «увеличительное стекло» направленное на язвы общества, только у Салтыкова-Щедрина – это зло царской России, а у А.А. Зиновьева – советской.

По своей свиптальности художественный мир трилогии А.А. Зиновьева очень близок и к свифтовскому осознанию действительности. В зарубежной прессе их неоднократно сравнивали. Например, в газете «Die weltwoche» о А.А. Зиновьеве сказано следующее: «... это мощный сатирик, которого можно сравнить только с великими предшественниками Рабле, Свифтом, Кафкой» [16, с. 309];

в L'Express французский журналист М.Галло пишет: «... запомните это имя: раньше был Свифт, Вольтер, Гоголь, а теперь будет Зиновьев ... Читать Зиновьева – это лечиться от общего обледенения нашего общества»; исследователь В. Большаков называет А.А. Зиновьева «Гулливером мысли» [16, с.36]. В Le Mond Николь Санд сопоставляет фигуру А.А. Зиновьева с Гулливером в стране лилипутов. На наш взгляд, подобная аналогия не случайна. Тематические параллели романа - памфлета Свифта и зиновьевской трилогии достаточно прозрачны.

Так, например, исследователь Г. Андреев в статье «О сатире А.А. Зиновьева» отмечает: «мы находим у Зиновьева и некоторые свифтовские моменты. ... У Свифта была борьба остроконечников и тупоконечников... у Зиновьева тоже есть такая борьба...» [10, с.135] между правыми и левыми уклонистами, спор которых о покрое штанов, так же парадоксален как спор, с какой стороны разбивать яйцо. Кроме того, разделение «губы» (место, где содержат заключенных в Ибанске) на Левых и Правых выполнено также в духе свифтовской сатиры. Так, например, в «Зияющих высотах» читаем: «Левые стали справа от буржуйки, а Правые - Слева» [10, с.158].

Положение Человека Горы, который «... не имеет право оставить.... государство.... без разрешительной грамоты с приложением большой печати» [17, с. 48] напоминает ситуацию «не выездного» Клеветника. Противостояние империи Лилитутии и Блефуску, аналогично противостоянию СССР и Запада как двух сверхдержав, только если Свифт в основу конфликта кладет религиозные противоречия, то А.А. Зиновьев - идеологические.

В отношении руководства авторы высказывают приблизительно одну и ту же мысль. У Свифта читаем: «лилипуты думают, что раз уж человечеству необходимы правительства, то все люди, обладающие средним умственным развитием, способны занимать ту или иную должность» [17, с.64]. У Зиновьева «... руководство общества формируется из лиц, относительно которых известно, что реально они суть посредственности ...» [11, с. 148-149], поэтому в Ибанске «руководящие посты в большинстве случаев ... занимают люди глупые и бездарные с точки зрения интересов дела, но хитрые и изворотливые с точки зрения интересов карьеры» [11, с. 148-149].

Ибанск живет по законам лилипутии, поэтому «в общественной карьере больше

преимуществ дает средняя норма абсолютно во всем, а не её превышение» [11, с. 63]. Стремление привести официальное и социальное к соответствию и равенству в Ибанске сводится не к тому, чтобы «умной группой» руководил «умный начальник», однако начальник не может быть глупее группы подчиненных, следовательно, по справедливому замечанию Шизофреника, наблюдается тенденция массового «оглупления» [11, с.78]. Начальники, по мнению героя антикоммунального лагеря Болтуна, в Ибанском обществе «только и думают о том, чтобы побольше урвать» [11, с. 14]. Следовательно, правомерен диагноз Мерина, данный общественной организации Ибанска «распределение людей по социальной иерархии не имеет ничего общего с умственными способностями» [11, с. 87].

В обществе Ибанска «руководство предпочитает демагогию об улучшении реальному улучшению..., а если идет на улучшение, то из страха ослабить свои позиции, из-за внутренних собственных интриг» [11, с. 147]. Обязательное качество для руководителей Ибанска «умение лавировать, удерживать, пробивать, устранять..., поэтому на роль руководителей заявляют претензии лица, наименее связанные с соображениями морали и наиболее бездарные с какой-то иной, профессиональной точки зрения» [11, с. 150].

Точно также как в отрицательных последствиях лилипуты обвиняют Человека Гору, так же и в Ибанске «ответственность за все отрицательные последствия хозяйничанья руководства несет не руководство, а те лица, которых руководство сочтет подходящими для возложения на них вины за эти последствия» [11, с. 151].

Сфера образования представлена писателями приблизительно одинаково. Так, у Свифта лилипуты доверяют воспитание своих детей «общественным воспитательным заведениям», а иски и наты в романе «Глобальный человек» отдают детей в «роботизированные школы». Институт, описанный в романе «Зияющие высоты», и МЦ в «Глобальном человеке» аналогичны Большой Академии в Лагардо. В стенах данных учреждений собраны посредственности, а одиночки типа Клеветника, напоминают ученых из «школы политических прожектов» Свифта, борющихся за присвоение должности «лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их» [17, с. 198], страдающих от собственного стремления сделать мир лучше. Не случайно, Д. Свифт считает подобных «преобразователей» «... людьми совершенно рехнувшимися...» [17, с. 198]. А А.А. Зиновьев заставляет пройти через муки неприятия социумом.

Научные достижения в области сельского хозяйства ибанца Коновалова, сулящие «золотые горы» и в «короткие сроки», также абсурдны как «прожект, открывший способ пахать землю свиньями» [17, с. 192] профессора из Лагардо.

Ибанский Художник очень близок к образу «посредственного» архитектора из романа «Путешествие Гулливера». Так, например, А.А. Зиновьев полагает: «есть два вида искусства. Искусство из себя наружу и искусство в себя из наружи» [11, с. 179]. Также как архитектор Большой Академии в Лардо старается заменить талант, «новым способом постройки домов, начиная с крыши и заканчивая фундаментом» [17, с. 192]. Художник Ибанска подменяет истинное искусство «мазнёй на потребу дня».

По мнению талантливого Мазилы, в Ибанске «действовал всегда один закон: чем выше зад, который удастся вылизать художнику, тем крупнее художник» [11, с. 79]. Не случайно в Ибанске художник – это производное от слова «худо». Талантливый Мазила, не воспринимаемый всерьез ибанским обществом, убежден, что «настоящий скульптор должен лепить не людей, героев, животных, а идеи и мысли» [11, с. 181], но, к сожалению, он одинок и бессилён против «посредственных архитекторов» и ибанских художников. Не случайно, по мнению Болтуна, в обществе подобном ибанскому «гениев нет и быть не может» [11, с. 80], так как истинный талант подменен посредственностью.

Кроме того, наблюдается некая преемственность отраженных в текстах идей. Так, например, профессор «спекулятивных наук», работающий над «думающей машиной», благодаря которой «человек умеренных возможностей может писать книги ... при полном отсутствии эрудиции и таланта», находит своих последователей в управленцах Глобального человека, полностью компьютеризировавших интеллектуальную сферу деятельности государства, в результате «выпускники школ ... не понимают сущности математических операций ... в совершенстве овладевая техникой использования их решения... с помощью интеллектуальных устройств» [18, с.69]. Мир оболванен компьютерными дублерами, в ГО «формально считается, что человек управляет компьютером. Но фактически он прислуживает ему» [18, с.134].

Также точно как в королевстве Трибниа «... большая часть населения сплошь состоит из разведчиков, свидетелей, доносчиков ...» [17, с.268]., пространство романа «Гомо советикус»

заполнено гомососами. Смысл жизни Пансионеров состоит в том, что бы доносить наушничать, подсиживать. Все эмигранты, аналогично йеху «... ненавидят друг друга больше, чем животных других видов...» [17,с.271]., так как каждый из гомососов боится, что «вновь прибывший эмигрант» будет более удачлив и выбьет из западноевропейского государства преимуществ для себя больше, чем он сам. Зато гомосос не чувствует жгучей ненависти по отношению к не эмигрантам, они вообще не интересуются их жизнью. Не ходят в театры, кино, не знают их политикой организации, истории, общественного устройства. Пансионеры, наподобие йеху, даже в соседстве с добропорядочными гуингмами, всегда останутся самими собой, их идеологию и быт не изживет не одно новое государство.

Кроме того, окказиональное наименование (йеху, гомососы, ибанцы, человьи), вбирающее в себя людские пороки, как у Свифта, так и у Зиновьева, становится нарицательным и характеризует все самое низменное в человеческой природе либо периода Просвещения, либо советской эпохи. Не случайно, зиновьевское столкновение коммунальной и антикоммунальной личности в трилогии похоже на свифтовское сравнение Йеху и Гуингмов, однако с приметным отличием. Зиновьевский Клеветник, Шизофреник как представители антикоммунальных людей живут не в абстрактном мире как гуингмы, у которых «... даже нет слова для обозначения ... порока, а... язык не содержит вовсе терминов, выражающих что-нибудь дурное» [17,с.279]. Антикоммунальный герой А.А. Зиновьева полностью погружен в мир порока, но при этом умудряется сохранить личное достоинство.

In article art parallels of texts of A.A.Zinovyev with M.E.Saltykova-Schedrin's texts and J.Swift are considered. The continuity of subjects and motives at the specified writers is described.

The key words: motive, plot, shchedrinsky manner of a narration, sviftovsky manner of a narration.

Список литературы

1. Зиновьева О.М. Александр Зиновьев: творческий экстаз. В кн.: Феномен Зиновьева/ Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор.М.: Современные тетради, 2002. 400с.
2. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье.М.: Кн. палата, 1991. 320с.
3. Зиновьев А.А. Одиночество мысли// Независимая газета.- 2002.- № 232 от 29 октября.- С.10
4. Бонди Франсуа.Weltwoche, Zurich. Цит. по кн.: Феномен Зиновьева. Указ. соч. С.387
5. Элен фон Сахно, Клаус Икерт. Bayerisches fernsehen. Цит по кн.: Феномен Зиновьева. Указ. соч. С. 390.
6. Фурсов А.И. Зиновьев и «принцип Льва Толстого». В кн.: Феномен Зиновьева. Указ. соч.
7. Большаков В. Государство из одного человека. В кн.: Феномен Зиновьева Указ. соч.
8. Сухих О.С. Традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина в творчестве А.А. Зиновьева// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.2010.№1.С. 289-295
9. Лебедев Ю.Б.Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья/ Вступ. ст. В кн.: М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. Современная идиллия.-М.: Современник, 1987. С.7-18.
10. Андреев Г. О сатире Зиновьева. В кн.: Феномен Зиновьева. Указ.соч.С. 153.
- 11.Зияющие высоты: Роман/ А.А. Зиновьев.М.: Эксмо, 2008. 736с
12. Николаев Д.П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. М.: Советский писатель, 1988.
- 13.Зиновьев А.А. Особенности Ибанска: [личный сайт]. URL: www.zinoviev.ru (дата обращения 23.02.2010).
- 14.Бушмин А.С. М.Е. Салтыков-Щедрин. В кн.: История русской литературы в 4-х т.Т.3. Л.,1982.
- 15.Зиновьев А.А. Формула жизни. В кн.: Феномен Зиновьева. Указ. соч.
- 16.Феномен Зиновьева/ Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор.М.: Современные тетради, 2002. 400с
- 17.Свифт Д. Путешествие Лемюэля Гулливера. М.: ООО «Издательство АСТ»; «Издательство «Олимп», 2001. 704с.
- 18.Зиновьев А.А. Глобальный человейник. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 488с.

Об авторе

Комовская Е.В. – сотрудник Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, komovskaya86@mail.ru